

Владимир Бахмутов

**К истории рода
художника
Василия
Сурикова**

*В. Суриков
1910 г.*

Владимир Бахмутов

**К истории рода художника
Василия Сурикова**

«Издательские решения»

Бахмутов В.

К истории рода художника Василия Сурикова / В. Бахмутов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516786-6

В канун нового года в г. Красноярске ежегодно проводится традиционный фестиваль памяти великого русского художника Василия Ивановича Сурикова. Книга повествует об основных вехах казачьего рода художника-сибиряка.

ISBN 978-5-00-516786-6

© Бахмутов В.
© Издательские решения

Содержание

Бугач, сын Татыша	6
На базарной площади	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

К истории рода художника Василия Сурикова

Владимир Бахмутов

© Владимир Бахмутов, 2020

ISBN 978-5-0051-6786-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бугач, сын Татыша

Бугач – красивый, стройный, крепкого сложения молодой татарин – младший сын качинского князца Татыша – стоял на берегу небольшой быстрой речки в окружении полутора десятка своих соплеменников и слушал тревожное сообщение только что вернувшегося из разведки воина. Он со своими нукерами несколько дней охотился здесь – у подножия Долгой гривы, – в ожидании результатов разведки. Вечерело. (Гремячей гривой в Красноярске с давних пор называли сопки, цепью протянувшиеся от города к Собакиной речке. У этого участка есть и другие названия – Долгая грива и Зеленый клин). На пламенеющем закатом небе резко выделялся волнистый контур хребта. Было безветренно, но от горного кряжа уже тянуло ночной прохладой.

Своим внешним видом молодой батыр заметно отличался от окружавших его людей. На нем поверх нижней одежды был надет полосатый бухарский желто-оранжевый халат, подпоясанный наборным поясом с золоченой пряжкой. К поясу пристегнута кривая татарская сабля в украшенных орнаментом ножнах, за плечом – саадак с тугим луком и колчаном стрел.

В руке татарин крепко сжимал выточенную из березового корня короткую рукоять с подобранной в кулак сыромятной плетью. Над насупленными бровями широкоскулого лица на голове его возвышалась расшитая золотыми нитями конусовидная шапка с отворотами – подарок киргизского князя Ишея. Убранство батыра дополняли полосатые штаны, заправленные в расшитые узорами мягкие кожаные гутулы с загнутыми кверху носками.

На широком лугу, раскинувшемся вдоль берега, паслись не расседланные кони. На поляне среди прибрежных кустов из земли бил родничок. Поток чистой ключевой воды, петляя среди кустов, смешивался за ними с желтоватым, кипящим бурунами речным потоком. В нескольких метрах от источника, потрескивая, горел костер. Двое нукеров заканчивали обжаривать насажанную на вертел тушу косули.

Рядом на расстеленных потах на широких медных подносах лежали две тушки зажаренных зайцев, лоснящаяся жиром куропатка, охалка свежей черемши, несколько головок полевой саранки, стояла плошка с солью. Еще один воин расставлял на потах глиняные чашки. Достав из переметной сумы бурдюк с кумысом, готовился разлить его по чашкам; с любопытством поглядывал на стоявших рядом предводителя и вернувшегося из разведки воина.

Лазутчик сообщал о том, что урусы закончили постройку на Красном яру большой деревянной крепости. Их там много, – почти столько, сколько дней в году. Даже на рыбную ловлю и сенокос они выходят группами по десять-пятнадцать человек. Возьтятся у реки чуть ли не без штанов, а при сабле, а то и с пищалью. Сменяя друг друга, непрестанно стоят с огнебойным своим оружием на стенах крепости, выходят раз в несколько дней конными отрядами по двадцать – тридцать всадников, чтобы ездить по степям и, нагоняя страх на окрестные племена, собирать ясак. Берут его и сободем, и белкой, и лисицами, и рыбой, и хлебом, и лошадьми. А кто не дает или противится, – тех жгут, бьют смертным боем, берут ясак силой.

На Кум-Тигее поставили урусы караульную вышку, с которой во все стороны все видно, и днем не подобрешься к ним незамеченным. Ночью только вот и удалось пробраться, высмотреть все, а потом весь день отсиживаться в лесу, чтобы не схватили.

Бугач выслушал разведчика молча, ни о чем не переспрашивая. Проголодавшиеся воины толпились вокруг, стараясь не нарушить раздумий своего предводителя, время от времени поглядывали на завершавших свою работу воинов у костра. А те, положив зажаренную тушу косули на подстеленные ветви прибрежных кустов, разделяли ее, ловко работая ножами, подносили и складывали куски мяса на поднос с тушками зайцев и куропатки. К трапезе было все готово.

Молодой батыр сел, наконец, на предусмотрительно постеленную перед ним кошму. Воины последовали его примеру, разместившись кто как, тесным кольцом вокруг еды. Бугач сложил ладони у подбородка, привстал на колени и, обратив взгляд на небо, скороговоркой зашептал молитву. Воины тоже стали молиться. Потом, негромко переговариваясь, приступили к еде, обсуждая между собой мастерство хлопотавших у костра нукеров, и вкус приготовленного жаркого.

Бугач брал с подноса куски мяса, разрывал их руками, неторопливо жевал, обсасывал косточки, отрешенно смотрел на сидевших вокруг воинов, но мысли его были далеко от трапезы и разговоров соплеменников.

– Как же так? – думал Бугач, – он слышал от отца, что было такое раньше, – там, на родине, за Тоболом. Думали, что ушли от русских, будем теперь свободно жить, никому не будем ясак платить. А тут стало еще хуже. Киргизы приходят – давай, монголы приходят – давай, недавно от тунгусского князца Тасея пришли, грозились, – тоже давай. Ну, этих, слава Аллаху, всех порезали, никого живым не оставили, – долго не придут. А теперь вот еще и урусы снова пришли, – опять давай.

Где на всех наберешься? Соболя в наших местах мало, белки тоже много не набьешь, лисицы табунами тоже не бегают... Лошадей давай? Баран давай? Рыбу давай? А самим жить на что? Чем торговать, чем меняться? Бугач прикидывал: – Котлы надо? Оружие надо? Щиты, куяки, шапки железные боевые себе и ближним нукерам надо? Украшения женам надо? Сети, – рыбу ловить надо? Соль много надо, – кушать, рыбу, мясо про запас готовить, а она дорогая, – за нее много чего просят взамен....

Нукеры возле костра вдруг одновременно поднялись во весь рост и замерли, тревожно вглядываясь в сгущавшиеся сумерки. Из-за реки донесся гортанный крик воина, стоявшего в дозоре. Послышался топот конских копыт, и вскоре на вершине далекого холма на фоне сереющего неба появились фигуры всадников. Сотрапезники с восклицаниями повскакивали со своих мест, четверо воинов бросились к пасшимся лошадям, остальные достали из саадаков луки, приготовили стрелы. Поднявшийся с колен молодой предводитель тоже хотел было достать свой лук, но передумал, только положил ладонь на рукоять сабли.

– Десять-двенадцать всадников, – промелькнуло в голове Бугача. – С той стороны урусов не должно быть, тем более – к ночи. А может быть, возвращаются из похода за ясаком? Но у него там дозор, его должны были предупредить.

На душе стало тревожно. Бугач не мог забыть того впечатления, которое осталось в его памяти, когда нынче летом он впервые увидел и оценил действие пицалей в руках пришельцев. Он тогда попытался с отрядом соплеменников, по указанию своего отца князя Татыша, изгнать с берегов Енисея пришельцев, приступивших к сооружению крепости. ... И был разбит в течение получаса.

Урусы тогда, как шайтаны, налетели на них с саблями и пиками, палили из своих громобойных пицалей, поражая качинцев насмерть. И татары не выдержали, – побежали.

Бугачу удалось тогда спастись самому и вывести из-под огня большинство своих соплеменников, но шестеро воинов все же были убиты и еще четверо захвачены в плен. Как это не удивительно, но урусы не стали преследовать нападавших, а вскоре вернулись в улус и плененные в бою качинцы, правда, сильно побитые. Они рассказывали потом, что их отпустил богато одетый предводитель, сказав им напоследок, что урусы готовы жить с качинцами в дружбе, будут с ними торговать, научат выращивать хлеб и даже защитят их от киргизов, если те станут платить ясак белому царю и не будут с ними враждовать. А места, де мол, всем хватит на этой земле.

Между тем всадники скачущего с верховьев холма отряда приблизились уже настолько, что Бугач по их одежде и виду вооружения сумел узнать в них киргизов. В голове отряда скакал

богато одетый, совсем еще молодой, – лет семнадцати, воин, в котором предводитель качинцев узнал Ереняка – сына киргизского князя Ишей.

Бугач поднял руку, крикнул что-то своим нукерам, и они опустили готовое к бою оружие. Вороной жеребец Ереняка, сделав свечку перед костром, встал, как вкопанный. Всадник соскочил с седла и направился к Бугачу.

– Мой отец, – великий Ишей, желает здоровья тебе и людям твоего улуса, – как опытный дипломат произнес Ереняк, – богатого травостоя на твоих пастбищах, удачи в боевых набегах, мой брат Бугач. – Он подошел к предводителю качинцев, приложил руку к груди, слегка наклонил голову. Нукеры почтительно расступились.

Бугач жестом пригласил Ереняка к еще не остывшему мясу косули. Сели рядом на кошму, хозяин сам налил в пиалу гостя кумысу, дал знак нукерам, чтобы накормили воинов прибывшего отряда. Ереняк, вопреки древним обычаям, сразу же приступил к делу:

– Эти шайтаны-урусы разоряют наши земли, идут на восток, на юг, отбирают у нас киштымов, – глаза Ереняка сверкали гневом. – А вы, качинцы, прячетесь от них, как зайцы, вместо того, чтобы изгнать их с этой земли – земли, принадлежащей нашему народу. Твой отец – старый Татыш – не обижайся брат Бугач, – совсем выжил из ума. Он вздумал завести дружбу с урусами, забыл, как они изгнали его с Тобола. Теперь он готов платить им ясак, отказавшись от нас, – его покровителей, позволивших вашему народу кочевать по этой земле. Неужели и ты, Бугач, носящий на голове золотую шапку – подарок моего отца, такой же трус, а не багатур, который не побоялся напасть на пришельцев у Красного яра, которого знает и славит весь киргизский народ и наши покровители – потомки великого Чингизхана?

Ереняк замолчал, глядя в предводителя качинцев пронизывающим взглядом. Бугач побледнел от этих слов, оскорблявших его собственную честь и честь отца, но вспомнив наставления родителя, удержался от яростной, душившей его, вспышки гнева. Князь Ишей велик и силен, – нельзя ссориться с ним. Ответил спокойно, хотя тоже с поддевкой:

– Ты, Ереняк еще молод и говоришь, как малое дитя. Упрекаешь меня в трусости, хотя сам еще ни разу не имел дела с урусами. Я был с ними в бою, знаю, что они храбры и выносливы, у них такое оружие, которого нет у нас. Их много, и они защищены теперь крепостью. Не нужно бросаться словами....

– Я знаю, – горячо возразил Ереняк, – что их много, но и вас, качинцев, тоже не мало. Разве вы убили в том бою хотя бы одного уруса? Нет! Только ранили двоих. Ты, Бугач, трусливо бежал из боя, оставив им четверых своих воинов, которых они, надругавшись над твоей честью, отпустили живыми, чтобы все знали о их милосердии. Ты должен был убить их по возвращении в улус, как предателей, рассказавших врагам о тебе, твоём отце и о нас – ваших покровителях. А ты, видно, испугался урусов. Их много, это так. Может быть, и в самом деле одним твоим улусом победить их в открытом бою невозможно. Придет время, и мы поможем тебе. А сейчас нужно убивать их по одному, по два, по три, использовать для этого любую возможность, чтобы им стало страшно. Отомсти им за потерю отцовых земель у Тобола, за своих погибших у острога воинов! Или тебе для этого не хватает смелости?

Лицо Бугача пошло красными пятнами. Этот мальчишка позорит его перед соплеменниками. Он встал, нервно сжимая рукоять сабли, прожигая собеседника взглядом. Повернувшись к нукерам, коротко бросил:

– Ждите меня здесь у ключа два дня. Если не вернусь, – расскажите обо всем отцу. Берегите и ублажайте Ереняка, – он мой гость! Коней! Ахмет, Рафин – со мной!

Через минуту зацокали конские копыта и трое всадников скрылись в подступающей темноте.

*

К полудню следующего дня они вернулись, – целые и невредимые. Их уже ждали и увидели издалека. Бугач подъехал к Ереняку, сидевшему возле ключа, дал знак, и Ахмет выбросил из мешка к его ногам две отсеченные русобородые человеческие головы. Язвительно усмехаясь, спросил:

– Ты сомневался в моей смелости, Ереняк?

Толпившиеся за спиной киргиза воины, возбужденно и одобрительно зашумели.

– Ты молодец, Бугач, – настоящий багатур! – воскликнул гость, вставая, – я расскажу об этом отцу. Клянусь Аллахом, он пришлет тебе в помощь свои отряды, и мы изгоним нечестивцев с нашей земли!

Сели праздновать победу. Снова ели мясо, – теперь молодую оленину, запивали кумысом и ключевой водой. Ахмет возбужденно рассказывал о том, как они подкараулили на берегу двух казаков, остроживших с факелами рыбу. Как срубил одному из них голову внезапно выскочивший из засады Бугач. Другого, пытавшегося броситься в реку, сразил стрелой сам Ахмет, потом выволок его на берег и тоже обезглавил.

Бугач молчал, задумавшись. Снова пили кумыс, славили Аллаха и все тюркские народы, живущие на земле под его всемогущим покровительством. Поздним вечером уже при свете луны Ахмет подкачал к подножию Долгой гривы и, держа коня в поводу, стал подниматься по чуть заметной тропе к перевалу, где он должен был сменить караульного. Кумыса Ахмет выпил немного, но поел плотно, и сейчас ему было тяжело подниматься в гору. Во всем теле была приятная истома, голова слегка туманилась.

Ахмет был доволен собой. И Бугач и киргиз Ереняк при всех воинах называли его батыром. Возле крупа лошади висит, притороченная к переметной суме сабля уруса, – его боевой трофей. Все в улусе теперь будут знать, какой он смелый и удачливый воин. Перед перевалом Ахмет остановился, приложил ко рту руки, дважды прокричал филином. Сверху ему ответили тем же сигналом. Без опаски он двинулся дальше и вскоре услышал цокот лошадиных копыт и поступь человеческих шагов, – дозорный воин шел навстречу.

Воины обменялись приветственными жестами, лошади дружелюбно всхрапнули, кося друг на друга глазом, разошлись на тропе. Ахмет, позевывая, прошел еще метров с пятьдесят к месту караула, привязал к дереву коня. Хотел было влезть на высокую старую сосну, где было устроено караульное «воронье гнездо», чтобы оглядеться, – нет ли где огней, но передумал, – начнет светать, огляжусь. Прислушался. Вокруг стояла мертвая тишина, только внизу на тропе чуть слышны были шаги удалявшегося воина. Ахмет прилег на траву возле сосны, сладко потянулся, прикрыл глаза. Подумал, – завтра они будут на стойбище, и он покажет своей молодой жене саблю уруса. Как она будет им гордиться! Мысли Ахмета расплывались, сознание туманилось дымкой подступающего сна...

*

Рано утром, еще до восхода солнца, отряд Ереняка ускакал на запад. Большая часть качинских воинов и сам Бугач еще спали, когда из ближнего леса налетели вдруг на конях урусы. Вдоль по лугу неслась, сверкая саблями, чуть ли не полусотня всадников, гремели пищажи. Застигнутые врасплох соплеменники Бугача валились на землю, пытались поймать пасшихся на лугу лошадей, но их рубили саблями, кололи пиками. Молодой предводитель вскочил, выхватил из ножен саблю, но не успел размахнуться, как был опрокинут конской грудью налетевшего на него чернобородого казачины. А в следующее мгновение уже трое урусов навалились на него, вязали заломленные за спину руки.

В двадцать минут все было кончено. Только четверым нукерам удалось ускакать. Казаки понеслись было за ними в угон, но те повернули к лесу и вскоре скрылись в зарослях. Преследователи поостереглись, – так можно и на стрелу налететь, – вернулись обратно. По всему полю

валялись трупы поверженных татарских воинов. Бугач и трое его нукеров корчились на земле со связанными руками и ногами. Казаки хотели добить и этих, но вожак отряда – атаман Яков Кольцов властно приказал:

– Этих – в острог!

Чертыхаясь и матерясь, казаки забросили пленников перед собой поперек седел, собрали трофеи и двинулись в обратный путь. Бугач лежал животом на конской спине перед чернобородым казаком, едва сдерживаясь, чтобы не стонать от боли в вывихнутом плече. Перед глазами все еще стояла жуткая картина оскаленной конской морды с желтыми зубами, разлетающейся во все стороны пеной с его губ, диким взглядом конских глаз.

– Что же это Ахмет, – думал Бугач, – почему он не предупредил?

На перевале, до того молча поднимавшиеся по тропе урусы, приостановились, громко заговорили, что-то обсуждая. Бугач, преодолевая боль, повернул голову, увидел: возле тропы с окровавленной головой недвижно лежал Ахмет, казаки снимали с его спины саадак с луком и стрелами, толпились у привязанного к дереву коня Ахмета. Уже не сдерживаясь, Бугач застонал, заскрипел зубами от боли, обиды, сознания своей беспомощности и обреченности....

А на другой день сильный казачий отряд на двух дощаниках причалил к большому острову на Енисее, где обитал со своими подданными качинский князь Татыш. Вышедший ему навстречу атаман Кольцов заявил, что младший его сын Бугач, вновь дерзнувший напасть на урусов, взят в аманаты, и если Татыш всем своим племенем не примет шерть на верность белому царю и вечную дачу ясака, завтра ему пришлют голову сына.

На базарной площади

На широкой площади перед проезжей Спасской башней – шумный острожный торг. Нестройными рядами стоят дюжие бородатые казаки, посадские люди, купеческие приказчики и их работные люди, прибывшие водой, «лутшие» люди татарских улусов, монгольские и бухарские купцы. Слышится многоязыкая речь, удары кузнечного молота, поросячий визг, конское ржанье, звон бубенцов на верблюжьих шеях, отборная русско-татарская матерщина.

В беспорядке стоят возы с поклажей, порожние телеги и татарские арбы с задранными оглоблями, привязанные к столбам и коновязям лошади, верблюды, теснятся бараны в наскоро построенном жердяном загоне. Кое-где видны робко стоящие черные ясачные люди, совсем редкие на таком торжище русские бабы. Зато много женщин-полонянок, – чернявых красивых калмычек, татарочек, плосколицых буряток.

На берегу тоже многолюдье, суета, – разгружают дощаники. Работные люди тащат на загривках тюки со всяким добром, мешки, бочонки, ящики, катят тридцативедерные бочки. Приказчики сами раскладывают, развешивают товар, – порты, рубахи, бабьи сарафаны; ладят весы, следят за тем, как вскрывают бочки, ставят козлы под досчатые прилавки.

У большинства торгующих товар лежит прямо на земле, – на подстеленных рогожках и мешковине. У кого что: здесь и мешки с хлебом, овсом, татарской гречей, и аршинные осетры, таймени, стерляди; черная и красная икра в бочонках.

Узкоглазый северянин продает шкурки соболей, песцов, лопочет что-то на своем языке, встряхивает в руках искрящиеся под солнечным светом мех, гладит его нежно корявой рукой.

Возле посадского мастерового мужика целая гора плетеных лукошек, корзин, разнокалиберных берестяных туесов. Отдельно стоят деревянные бадейки, лохани, свежеструганные бочонки с деревянными же ободьями. Трое казаков стоят рядом, продают боевые трофеи, – кожаные и наборные стальные кюаки, железные шапки с шишаками, седла, конскую сбрую, сабли монгольские, саадаки с луками и стрелами.

Отдельным станом расположились бухарские и монгольские купцы. Здесь в мешках, корзинах – горы сухофруктов, бочонки и кувшины с вином, ковры, дорогие тонкой выделки седла и конская упряжь, кинжалы, кривые персидские сабли с золотыми рукоятками, украшенные самоцветными камнями, колчаны для стрел, отделанные золотом, серебром и жемчугом. Отдельно стоят кубки, затейливые кувшины с грациозными носиками, похожими на лебединые шеи, широкие подносы с тисненными на них изображениями сцен охоты и боевых схваток воинов, бесстыжими фигурками танцующих невольниц

Вдрызг пьяный дюжий чернобородый казак продает невольника—киргиза. Тот тоже не из слабеньких, – коренастый, крепкий, широкоскулый, стоит босиком на пыльной земле в драных шелковых шароварах, оголенный по пояс. Тени играют на рельефных мускулах груди и плеч, мышцах солнечного сплетения. Руки его связаны за спиной, веревка привязана к коновязи. Невольник смотрит презрительным взглядом на своего пьяного хозяина, толпящийся вокруг народ.

К казаку подходит бухарский купец в шелковом, расшитом золотыми нитями халате, рядом с ним – толмач-переводчик. Купец что-то шепчет толмачу, тот, обратившись к казачине, спрашивает:

– Сколь просишь?

– Шестьдесят рублей, – называет казачина, покачиваясь, совсем уж несуразно-высокую цену, – и штоб, значит, серебром.

Слова «рублев», «серебром» и произносимые по-русски цифры, купец понимает и сам, без толмача. Он закатывает глаза, вздымает кверху ладони, как бы приглашая в свидетели Аллаха, начинает что-то быстро и сердито говорить, видимо, корить продавца за высокую

цену. Казачина стоит, пьяно ухмыляясь, с любопытством смотрит на толстобрюхого купца. Он, конечно, догадывается, о чем тот лопочет на своем тарабарском наречии, но снижать цену не торопится, – на то он и торг.

– Да ты посмотри, какой товар, – колоколом гудит казачина, грубо хватая пленника за плечо, старается повернуть его лицом к покупателю, но киргиз не дается. Казак начинает сердиться.

– А зубы какие! – Ухватив невольника другой рукой за подбородок, задирает ему голову, сжимает своей кувалдой-лапотинной челюсть, пытаясь обнажить зубы, но пленник резким движением вдруг вырывается, хватая его зубами за руку, одновременно плечом сильно толкает казачину в бок. Тот, и так уже с трудом удерживавший равновесие, мешком, гремя саблей, валится на землю, но тут же подбирается, вскакивает и сходу бьет изо всей силы своим кулачищем киргиза под глаз.

– Ах ты вражина, – ревет он на всю площадь, смотрит на окровавленную руку, – убью на месте! – хватается за саблю.

Купец, увидев такое дело, убирается от греха подальше. Улетевший от удара под коновязь киргиз, путается в веревке, тыкается лицом в дорожную пыль, пытается подняться на ноги, что-то кричит с надрывом удаляющемуся купцу на непонятном языке, смотрит на него с надеждой. Но тот скрывается в толпе прихлынувших на шум людей.

Два казака навалились на руку чернобородого, уже успевшего выхватить из ножен саблю, стараются его образумить:

– Да ты што, Елисей, остынь! Стоило тащить его на себе в острог, чтобы здесь вот так порубать. Ну, повесил ему фонарь и ладно, можно еще добавить. Остынь!

– Я его кормил, поил, – не может никак успокоиться чернобородый, – а он меня, как пес – зубами за руку, – плачет пьяными глазами. – У-у-убью, вражину! – но все же бросает саблю в ножны, успокаивается. Казаки оставляют его, идут дальше, – по своим интересам.

Не успела толпа разойтись, как новая потеха, – схватились в драке двое мальчишек, лет по тринадцати. Из-за чего драка никто не знает, – не видели. Дерутся ладно, – лупят друг друга кулачишками молча, остервенело – по плечам, по голове, норовят въехать по носу или под глаз. Оба боевые, как петухи, друг дружке не уступают. Мелькают голые пятки, спины из-под задранных рубашонок, песок летит во все стороны, пыль.

Толпа казаков, встав кругом подле дерущихся, хохочет, улюлюкает, подзадоривает бойцов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.